

Малыш крепко сжал пальцы Цзи Цаншэна и дёрнул их. В следующее мгновение его самого втянуло в стену.

Хуа Буюй:

— ...

Кто же построил этот антигуманный проход?

Кто-то:

— Апчхи!

Когда Хуа Буюй, ведомый Цзи Цаншэном, прошёл через бесчисленные стены в тёмном туннеле, он оцепенел.

Теперь он понял, почему с Пика Покаяния никто не мог сбежать и почему снаружи не было видно ни души.

Цзи Цаншэн остановился, отпустил руку Хуа Буюя и приложил ладонь к каменной стене, куда не проникал даже свет, медленно вливая в неё духовную энергию.

Стена постепенно изменила облик. В конце концов перед Хуа Буюем появилась тюремная камера.

Тот человек сохранял тот же вид, что и несколько дней назад во время допроса, с той разницей, что, похоже, его пять чувств были запечатаны, и он совершенно не ощущал их присутствия.

В прошлой жизни Хуа Буюй не видел этого лица. Единственное, что он мог подтвердить — позже он больше не встречал этого человека.

— Его память была изменена, — спокойно произнёс Цзи Цаншэн, словно зачитывая какой-то указ. — Я тоже не смог выяснить, кто стоит за этим.

Хуа Буюй молча смотрел на того человека, не зная, о чём думать.

— Итак, ты подумал о том, о чём я просил тебя за эти дни? — Цзи Цаншэн открыл дверь клетки и достал что-то из своего мешка. — Это твоё, верно?

— Да, — Хуа Буюй не кивнул, просто взял меч. Даже ножны были полностью чёрными, но в тусклом свете они выглядели предельно чётко.

Цзи Цаншэн взмахнул рукой, сняв печать с пяти чувств того человека.

Он по-прежнему был крепко связан, его голосовые связки полностью повреждены, и он не мог издать ни звука. Но, будучи практикующим на этапе очищения духа, он естественно мог распознавать людей по исходящей от них ауре.

Казалось, он почувствовал присутствие Хуа Буюя. Его прежде безучастное лицо, освобождённое от печати, выразило удивление, которое затем сменилось насмешкой.

«Ты обманул весь мир».

Хотя он не мог издать ни звука, он широко открыл рот, явно произнося каждое слово.

«Грязнокровный преступник!»

Несмотря на отсутствие звука, Хуа Буюй, казалось, слышал его низкий, ненавидящий голос.

«Я умру, проклиная тебя!»

Хуа Буюй, конечно, не был настоящим ребёнком и прекрасно понимал смысл, но сделал вид, что ничего не понял, холодно глядя на него.

Он медленно вытащил меч, лезвие коснулось шеи мужчины. Даже если Хуа Буюй было всего пять лет, он уже достиг пятого уровня закалки ци. Таким острым мечом он мог мгновенно отрубить голову уже обычному, лишённому духовной силы человеку.

Холодное лезвие прижалось к коже, но мужчина внезапно рассмеялся. Повреждённые голосовые связки издавали обрывочные звуки, хриплые, словно царапающие повреждённый металл. Они эхом разносились по холодной камере, вызывая ужас.

После произнесения этих злобных слов мужчина больше не открывал рот. Даже сейчас, смеясь, он не сказал ни слова.

Цзи Цаншэн не вмешивался. С неясным выражением лица он вошёл в тень, куда не проникал даже тусклый свет, и молча наблюдал.

— Чему ты смеёшься? — спросил Хуа Буюй.

Его голос был удивительно спокоен, слишком спокоен для ребёнка его возраста. Чёрный меч, который он крепко держал, был устойчиво направлен на мужчину, не дрогнув ни на миг.

Мужчина не ответил. Засохшая кровь стекала с его искажённого лица, и он продолжал издавать леденящий душу смех.

Хуа Буюй крепче сжал меч. Лезвие врезалось в тонкую кожу, не слишком сильно, оставив белую полосу, но не вызвав кровотечения.

«Действуй».

Мужчина наконец «заговорил».

— Ты хочешь, чтобы я убил тебя? — Хуа Буюй, казалось, внезапно понял его слова и переспросил.

Мужчина усмехнулся.

— Кровь за кровь. Ты убил семнадцать человек в моей деревне, ты действительно заслуживаешь смерти.

Хуа Буюй продолжил:

— Но я не убью тебя.

— Ты должен быть публично осуждён и отправиться в ад с клеймом неискупимого преступления.

— Умереть так просто — слишком легко для тебя.

— Я действительно хочу убить тебя сейчас. — Хуа Буюй сильнее прижал лезвие. Капли крови тут же выступили, стекая по чёрному клинку к рукояти. — Но мама говорила:

— В мире есть справедливость.

— Я не являюсь этой справедливостью.

Слова Хуа Буюя звучали так, словно с него сняли тяжесть.

Он провёл другой стороной лезвия по своему пальцу, капнув кровью на шею мужчины. Рана, которая только что сочилась кровью, внезапно затянулась.

Он знал: наказание для таких злодеев чрезвычайно сурово и предназначено специально для практикующих. Поэтому большинство не доживает до конца наказания, умирая по пути.

Теперь же, влив свою кровь в этого человека, Хуа Буюй сделал так, что, кроме вырывания сердца или обезглавливания, ни одно наказание не сможет убить его. Но боль, которую он будет испытывать, не уменьшится.

— Но я могу заставить тебя испытать наказание, которое ты заслуживаешь за эти семнадцать жизней.

Хуа Буюй вложил меч в ножны и, держа его обеими руками, передал Цзи Цаншэну:

— У Тахуа уже есть подходящее оружие. Прошу учителя сохранить эту вещь.

— Ты не жалеешь. — Цзи Цаншэн не принял меч.

— Тахуа, будучи учеником Бессмертного владыки Тяньюань, должен помнить заветы предков, не иметь личных пристрастий и быть справедливым ко всем в мире, веря, что Врата Тяньюань дадут ему заслуженное наказание.

Цзи Цаншэн долго смотрел на этого пятилетнего ребёнка, затем убрал чёрный меч и восстановил защитный барьер.

В этой тёмной, холодной камере, освещённой лишь тусклым жёлтым светом, он на мгновение замер. Затем снова взял маленькую руку.

— Пойдём.

На обратном пути Цзи Цаншэн больше не отпускал эту слегка дрожащую руку. Он шёл медленно, не пытаясь почувствовать, что происходит в душе этого малыша в темноте.

Цзи Цаншэн вдруг понял: возможно, широта души Хуа Буюя в прошлой жизни была не только заслугой его учителя, но и результатом его собственной натуры и правильного воспитания с детства.

— Тахуа.

Цзи Цаншэн внезапно остановился, глядя вперёд.

— Когда ты подрастёшь, я отведу тебя обратно.

— Да, — раздался негромкий голос Хуа Буюя рядом.

Всё-таки он был ещё ребёнком.

— Не заставляй себя ненавидеть. Я не буду тебя принуждать. — Цзи Цаншэн слегка сдвинул фонарь в сторону, смягчив тон. — Но ты можешь научиться отпустить ненависть.

— Сегодня ты поступил правильно. Я не ошибся в тебе.

Цзи Цаншэн дал Хуа Буюю достаточно времени, чтобы справиться с эмоциями в темноте. Обратный путь казался намного длиннее. Когда они покинули Пик Покаяния, луна уже была высоко.

Чжэуа ждал у входа на Пик Покаяния. Увидев их, он поклонился Цзи Цаншэну.

— Наказание этого человека будет определено завтра двадцатью двумя бессмертными Врат Тяньюань и согласно Закону Тяньюань. Чжэуа, завтра ты возьмёшь Тахуа с собой, чтобы он представлял Бессмертного владыку Тяньюань.

— Да, учитель, — Чжэуа сложил руки в поклоне.

За эти три дня Цзи Цаншэн полностью передал все полномочия этому ученику.

Этому ученику Врат Тяньюань, которого меньше всего ценили.

Но нельзя было не признать: хотя Чжэуа и не обладал такими талантами в практике, как другие, он всегда поступал правильно. Среди всех учеников он был ближе всего к заветам Закона Тяньюань.

Жаль только, что характер Чжэуа не совсем подходил. Даже если он изменится в будущем, его природа всё равно будет влиять на поступки.

Чем выше положение и больше ответственность, тем важнее не поддаваться эмоциям. Можно испытывать любые негативные чувства, но нельзя позволять им влиять на суждения.

Цзи Цаншэн не удивился необычному поведению Хуа Буюя. Любой другой человек, возможно, заподозрил бы что-то — ведь Хуа Буюй был слишком мал.

Но Цзи Цаншэн прожил две жизни. По сравнению с нынешним Хуа Буюем он лучше знал Высшего бессмертного Тахуа из прошлой жизни. Сам Цзи Цаншэн был таким же человеком — иначе не смог бы в одиннадцать лет постичь заветы Закона Тяньюань и унаследовать этот пост.

— Старший брат.

В прошлой жизни, когда Хуа Буюй завершил обучение, Цзи Цаншэн уже был ославлен тысячами. Поэтому о самом Цзи Цаншэне Хуа Буюй знал только его злодейскую сторону.

— Учитель выглядит таким молодым. Почему он так силён?

Чжэуа, казалось, рассмеялся:

— Учителю уже двадцать лет.

<http://bllate.org/book/17680/1648226>